

Дмитрий Ратников,
журналист,
редактор интернет-газеты «Канонер»

Градозащита: история и современность

Вторая волна петербургской градозащиты началась в 2005 году. Тогда город столкнулся с несколькими крупными инвестиционными проектами, которые предполагали кардинальное изменение облика и разрушение дореволюционных зданий. В частности, именно тогда расчищали квартал под вторую сцену Мариинского театра, проходил снос на территории Новой Голландии, не стало нескольких зданий на Невском проспекте.

Протесты против сноса доходных домов на углу Невского проспекта и улицы Восстания вылились в общественное движение «Живой город». Его основным координатором стала Юлия Минутина. Она же позднее стала олицетворять молодое градозащитное движение. Кстати, слова «градозащитник» тогда еще не существовало: его позднее придумал один из журналистов и впервые опубликовал, кажется, в «Новой газете», но доподлинно выяснить это не удалось. Я впервые использовал слово в ноябре 2007 года в одной из публикаций своей интернет-газеты «Карповка» (ныне — «Канонер»).

Особым проектом, объединяющим горожан в деле защиты города от строителей, стал «Охта-центр». 400-метровый небоскреб планировалось построить на границе с центром — в устье реки Охты. Возмущения были настолько масштабны, что на митинг под названием «Марш за сохранение Петербурга» около дворца спорта «Юбилейный» собралось несколько тысяч человек — раньше это казалось немыслимым.

Градозащитники выбрали два направления деятельности — протесты против реализации точечных проектов и работы по созданию охранительной законодательной базы. Если первые позволяли управлять процессами в ручном режиме, то вторые вылились в принятие в 2009 году закона о зонах охраны. В первое время он почти не работал; причина — хитрая формулировка, позволявшая не соблюдать нормы закона, если хотя бы одна бумага по инвестпроекту была принята до 2009 года. Но впоследствии документ смог заработать в полную силу, и теперь случаи сноса старинных зданий стали единичными, а новые дома все реже представляют собой «набор из стекла и бетона», как модно было говорить 15 лет назад.

Поэтому, на мой взгляд, сейчас интерес к градозащите стих. Но стали появляться более любопытные проекты — уже не протестные, а созидательно-прикладные. Например, мой коллега по «Карповке» Алексей Шишкин вместе с единомышленниками создали группу «Гэнг», которая занимается расчисткой стен подъездов от поздней окраски. Тем самым активисты дают понять, что рядовой Петербург — это не только фасады, но и интересные интерьеры. По тому же принципу образовалась ячейка «Двери с помоек», которая ставит целью сохранение и ремонт дореволюционных входных дверей, ныне массово заменяющихся новыми типовыми.¹ Внимание уделяют и подъездным окнам, особенно с витражами.²

Проект «Деревья Петербурга» Марии Тиники³ показывает горожанам, что Ленинград еще в 1980-х годах утопал в зелени. Теперь же их все меньше, а власти активно борются с зеленью: рубят деревья и не сажают новые. Сейчас древозащитники стали одними из главных спикеров в СМИ по темам, связанным с обликом Петербурга.

¹ Подробнее в статье В. Манн «Теория разбитых окон» в данном сборнике.

² Подробнее в статье Т. Княжицкой «Витражи Петербурга: инвентаризация 2019–2020 годов» в данном сборнике.

³ Подробнее в статье М. Тиники «Зачем нужны деревья и при чем здесь карты» в данном сборнике.

Наконец, хотелось бы отметить паблик «Вывески Ленинграда» Ильи Тихомирова. До его появления я даже не задумывался, что надписи вроде «Слава КПСС» или «Гостиница “Автомобилист”», сохранившиеся на фасадах с советских лет, могут представлять интерес. Но теперь сам все чаще обращаю внимание на такие реликты. И трем тысячам моих подписчиков, судя по всему, это тоже стало любопытно.

Из актуальных проблем я бы назвал две. Первая — заброшенные дома. Что делать на уровне активистов и чиновников, чтобы в них возвращалась жизнь, представить трудно. Если у собственника денег нет, то никакие штрафы не помогут. Попытки принудительного изъятия недвижимости тоже ни к чему не приводили: дом Слепушкина в Усть-Славянке по-прежнему заброшен.

Вторая проблема — будущее устья Охты. «Газпром» вновь вернулся к идее застроить его офисным зданием. Хотя весь участок представляет собой ценнейший археологический памятник, собравший в себе внушительные остатки крепости Ниеншанц, некоторые части крепости Ландскрона и множество другого, о чем пишет археолог Петр Сорокин, много лет изучавший эту территорию.⁴ На этом участке в принципе невозможно новое строительство, а недавно представленный японский проект газпромовского объекта по факту ставит крест на всех археологических находках, а значит, и на важнейшей части нашего культурного наследия.

⁴ Подробнее в статье П. Сорокина «Памятники Охтинского мыса» в данном сборнике.